

© 2013 г.

*А.М. СМОРЧКОВ.* Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. Москва: РГГУ, 2012. 602 с.

Предметом исследования А.М. Сморчкова является анализ целого ряда основополагающих понятий и терминов, касающихся основных институтов религии и магистратской власти и их взаимоотношений в период от царского Рима до эпохи Поздней Республики. Вместе с тем целью своей работы А.М. Сморчков ставит прежде всего исследование сакральных аспектов магистратской власти, например таких, как ауспиции, и структуры, а также механизма функционирования основных жреческих коллегий – авгуров и понтификов – и их взаимодействия с органами политической власти: магистратами, сенатом и народным собранием. В современной России данная тема никогда не исследовалась столь глубоко и всеобъемлюще, как это сделал автор настоящей монографии, поэтому я искренне рад за отечественное антиковедение, получившее в свое распоряжение новое, весьма актуальное и высоко профессиональное исследование.

Работа написана хорошим языком, вполне логично построена и весьма содержательна. Опираясь прежде всего на всесторонний анализ самых разнообразных источников на латинском и древнегреческом языках, а также на современную, особенно западноевропейскую, историографию, автор выявляет интереснейшие особенности указанных выше институтов.

Книга состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении автор особое внимание уделяет проблеме достоверности источников, справедливо считая наиболее продуктивным методом изучения архаического Рима построение научной концепции исследования на анализе не только фактов, подтверждающих взгляды исследователя, но вообще всех доступных фактов, и если авторская «концепция реально отражает действительность, эти факты также найдут в ней свое место и объяснение» (с. 19).

І глава книги посвящена всестороннему анализу римских магистратских ауспиций, их роли в народных собраниях и характеру магистратского империя. Первый параграф дает краткую характеристику римских ауспиций и их соотношения с авгуриями (с. 35–39). Во втором параграфе дается скрупулезный анализ содержания и цели республиканского *lex curiata de imperio*, приведший А.М. Сморчкова к выводу о том, что магистрат получал право на ауспиции не через этот закон, «а уже в силу своего избрания на комициях под председательством магистрата, совершившего ауспиции» (с. 63). В третьем параграфе убедительно доказывается, что источником магистратских ауспиций были электоральные комиции, что подтверждается анализом ритуала инаугурации римских царей и выборов республиканских магистратов. Особенно интересен анализ источников, описывающих такой важный религиозный элемент выборов, как жеребьевка, которая «подобно ауспикации, определяла отношение богов к предпринимаемому действию» (с. 80 сл.). Рассмотрение целого ряда конкретных фактов доизбрания консулов-суффектов и огрешно избранных магистратов в четвертом параграфе позволяет ученому сделать вывод, что «сакральная неполноценность» их империя касалась лишь возможности избрания ими своих преемников, «поэтому гораздо точнее говорить в этих случаях об “ущербности” ауспиций, а не империя как такового» (с. 106). В пятом параграфе А.М. Сморчков приходит к выводу о том, что принципиальная доступность публичных ауспиций не только патрициям, но и плебейм связана с формированием единой гражданской общины, хотя патриции и сохранили ряд привилегий в сакральной сфере (с. 116).

Во II главе рассматриваются религиозные полномочия царской власти, ординарных магистратур, диктатуры и цензорской власти. В первом параграфе рассматриваются такие сакральные аспекты царской власти, как обязанность заботиться о священнодействиях, перешедшая позднее к *rex sacroregum*, понтификам, авгурам и фламину Юпитера. Во втором параграфе рассматриваются религиозные полномочия ординарных магистратов, главным образом консулов и преторов, в частности, религиозные ритуалы (жертвоприношения и обеты), выполняемые ими при вступлении их в должность, при выхо-

де в военный поход, и делается вывод о десакрализации властных функций по сравнению с царской властью (с. 152). В третьем параграфе ученый значительное внимание уделяет сакральным аспектам раннереспубликанской диктатуры, особо останавливаясь на религиозном содержании функций диктаторов для «вбивания гвоздя» (с. 161–169). Рассматривая особенности назначения диктаторов и некоторые их функции, А.М. Сморчков также приходит к выводу о десакрализации этой власти (с. 180). Изучая религиозные полномочия цензоров, автор уделяет особое внимание церемонии цензорского *lustrum*, подчеркивая, что источники молчат о каком-либо участии в этом ритуале жрецов (с. 184 сл.). Он приходит к выводу, что именно важность этого ритуала обусловила «особую сакральную ауру магистратуры цензоров» (с. 197).

В III главе исследуются общий характер римского публичного жречества и особенности жреческих коллегий авгуров и понтификов. Первый параграф посвящен общей характеристике публичного жречества, оспаривается автоматическое членство жрецов в сенате, их не подчиненность светской власти. Во втором параграфе дается характеристика коллегии авгуров, подвергаются критике взгляды Цицерона и Ливия, якобы допускавших «идеализацию» политических функций этой коллегии (с. 227–230). Рассматривается целый ряд конкретных примеров авгурского гадания, отвергается значимость ритуала *legum dictio* (с. 241–243), ставится под сомнение «пафосное заявление Цицерона» об их роли в утверждении законов (с. 244). Особо автор останавливается на авгурской дивинации, по его мнению, никак не связанной с судебной дивинацией (с. 257–263). В третьем параграфе с той же точкой зрения подвергаются критике взгляды античной традиции на судебные полномочия коллегии понтификов. Под давлением многочисленных фактов он все же признает, «что наличие у понтификов судебных функций в раннюю эпоху вполне возможно», но тут же добавляет, что «нет конкретных примеров, даже легендарных, судебной деятельности понтификов в отношении не-жрецов» (с. 282). Ошибочно понимая юридическое выражение «*iudicium dare*» (давать иск, назначать суд) как синоним глагола *iudicare* (судить), автор считает, что и по религиозным делам «судил претор» (с. 284, прим. 315). Главным выводом исследователя является утверждение, что если «в архаическую эпоху... значение понтификов явно было больше», то «в рамках римской гражданской общины понтифики не имели самостоятельного политического значения» (с. 292 сл.).

В четвертом параграфе III главы А.М. Сморчков подвергает критике фрагмент из Ливия об избрании плебейских трибунов на комициях под председательством верховного понтифика, считая, что здесь «не исключено понтификальное происхождение этой традиции» (с. 307). Анализ в пятом параграфе функций коллегии жрецов священнодействий также приводит автора к выводу об их «прямой и явной зависимости... от политической власти» (с. 322).

IV глава посвящена процедуре основания римских республиканских храмов и их социально-экономическому и правовому положению. В первом параграфе рассматриваются конкретные случаи принесения обетов магистратов о строительстве храма, роли сената и гражданской общины в целом в заботе об их исполнении. Автор делает вывод, что хотя обеты не обязательно имели публичный характер, но уже следующий этап – *locatio* – являлся публичным актом общественного признания обета (с. 342 сл.). Во втором параграфе автор рассматривает понятие *locatio*, обычно понимаемое как сдача подряда на строительство храма, но первоначально означавшее определение места для такого строительства, что ученый убедительно подтверждает анализом целого ряда источников. В третьем параграфе рассматривается дедикация – обряд посвящения храмового здания божеству. Анализируя данные традиции о ряде законов, регулировавших процедуру дедикации, автор заключает, что если ранее магистраты имели право самостоятельной дедикации, то демократизация проявилась в праве народа утверждать дедикатора. В четвертом параграфе А.М. Сморчков рассматривает вопрос об участии частных лиц в учреждении общественных храмов, делая вывод, что хотя «римляне четко отделяли частное от общественного», однако «эти две сферы находились в тесном взаимодействии и взаимовлиянии», поэтому «не было серьезных препятствий для частного лица оказаться полезным отечеству, в том числе в религиозных делах» (с. 391). В пятом параграфе рассматривается экономическая и социальная роль храмов, в частности, отмечается, что «именно светская власть определяла статус святилищ» (с. 393), в руках светской власти находилось и управление храмовыми доходами (с. 396). Особое внимание автор справедливо уделяет приводимой Цицероном норме о запрете консекрации в пользу храмов земли (с. 397 сл.). А.М. Сморчков делает убедительный вывод о том, что «храмы в республиканском Риме не просто находились под контролем политической власти, а фактически являлись составной частью общественной собственности» (с. 407). В шестом параграфе ученый исследует некоторые формы правовой защиты священного имущества, особое внимание уделяя институту *sacrilegium* в Дигестах Юстиниана и конкретным случаям святотатства в изложении античной традиции.

В заключении А.М. Сморчков делает целый ряд весьма важных общих выводов, среди которых особое значение имеет вывод о том, что римское жречество эпохи Республики, в отличие от жрече-

ства Древнего Востока, так и не смогло «организоваться в отдельную корпорацию, самостоятельную часть формирующейся общественной верхушки» (с. 432), а контролирующая его высшая магистратская и сенатская власть носила преимущественно светский характер, что наряду с другими факторами определило особенности развития римской гражданской общины. Особенно убедительным является главный вывод исследования о том, что «подчинение сакральной сферы интересам общества стало в итоге одним из основополагающих принципов полисной цивилизации» (с. 435).

Как всякая большая работа, претендующая на широкие, обобщающие выводы, книга А.М. Сморчкова, несмотря на свою фундированность и стремление подтвердить каждый вывод анализом самых разнообразных источников, все же не лишена отдельных недостатков. Главным таким недостатком, на мой взгляд, является внутренняя скрытая убежденность автора в том, что он глубже таких знатоков древности, как, например, Цицерон и Тит Ливий, знает и понимает особенности религиозной и политической истории республиканского Рима. В связи с этим он нередко уклоняется от им же декларируемого принципа исследования: «ни в коем случае нельзя отвергать их (данные источников, противоречащие авторской концепции. – Л.К.) как недостоверные, напротив, их необходимо объяснить в рамках системы» (с. 19). Я остановлюсь лишь на тех конкретных случаях критики традиции, когда одновременно критикуются и некоторые мои взгляды, дабы иметь возможность ответить на не всегда достаточно аргументированную критику А.М. Сморчкова.

Так, на с. 184 автор говорит о якобы «неверно интерпретированных» мною пассажах Феста и Сервия, на основании которых я делаю вывод о руководящей роли понтификов при жертвоприношении во время *lustrum*. Следует подчеркнуть, что данные Феста А.М. Сморчкову не удалось опровергнуть, так как, хотя он и называет пятилетний срок *lustrum* «скорее теорией, чем практикой», тем не менее едва ли это нас в чем-либо убеждает, поскольку несомненен тот факт, что слово *lustrum* стало у древних синонимом понятия «пятилетний период». Далее, для доказательства своего толкования Феста А.М. Сморчков должен был бы доказать, что здесь имеются в виду какие-то иные жертвоприношения понтификов, совершавшиеся один раз в пять лет, не связанные с *lustrum*. Неубедительно и его утверждение о «полном молчании» античных авторов об участии жрецов в церемонии *lustrum* (с. 185). Достаточно посмотреть «*Thesaurus Linguae Latinae*» (VII. 2. Р. 1880–1885) на слово *lustrum*, чтобы найти случаи упоминания источников об участии *sacerdotum* в этой церемонии. Далее, нельзя не учитывать и описания Дионисием Галикарнасским (IV. 22. 2) учреждения связанной с цензом церемонии *lustrum* царем Сервием Туллем, где, в частности, говорится, что «при проведении цензов римлян таким же образом очищают те, кто наделен высшей жреческой властью, называя это *люстром*». Правда, сам А.М. Сморчков (как, впрочем, и многие другие ученые) под словами *τῶν ἑχόντων τὴν ἱερωτάτην ἀρχήν* понимает лишь цензорскую власть (с. 181), но ведь в ритуале *люстра* принимал по жребию участие лишь один цензор, а у Дионисия речь идет о множестве лиц с высшей жреческой властью. Эта множественность вполне объясняется римским автором I в. н.э. Луканом, который достаточно подробно описывает ритуал *lustrum*. Правда, он ведет речь о *lustrum* Города, а не войска, но вряд ли ритуал обвода жертвенных животных вокруг очищаемого войска или очищаемого Города сильно различался. Так вот, Лукан утверждает, что именно понтифики ведали этим священнодействием<sup>1</sup>. Он же говорит и об участии в церемонии *люстра* младших жрецов, весталок, авгуров, салиев, фламиннов и прочих жрецов (Lucan. I. 596–605).

Далее следует остановиться на неудачной попытке А.М. Сморчкова интерпретировать *avgypckoe legum dictio* с точки зрения римского частного права (с. 241–244). По его мнению, это выражение «явно заимствовано из юридической лексики», и «исходным было понятие *lex dicta* из частного права» (с. 242). Действительно, в классическом частном праве нередко встречается выражение *lex dicta* в значении оговоренного условия соглашения. Однако следует возразить, что трудно даже представить себе, каким образом термин частного права мог быть заимствован в жреческую ритуальную лексику, ведь в республиканском Риме наблюдалась как раз обратная тенденция: именно «язык приказов и заветов», сформировавшийся в римской древнейшей юридико-религиозной системе, оказал влияние на терминологию частного права классического периода<sup>2</sup>, и никогда наоборот, по крайней мере, со времени разделения сакрального и светского права<sup>3</sup>. Поэтому гораздо более логичным для историка-религиоведа было бы искать аналогии в терминологии публичного, а еще лучше сакрального права.

<sup>1</sup> Lucan. I. 593–595: *mox iubet et totam pauidis a ciuibus urbem / ambiri et festo purgantes moenia lustris / longa per extremos pomeria cingere fines / pontifices, sacri quibus est permissa potestas* – «Сразу приказывает испуганным гражданам Город / Весь обойти, а понтификам, *люстром* очищающим стены – / Ибо власть позволена им священнодействия ведасть, – / За рубежом пустырей пройти по далекому кругу».

<sup>2</sup> Sini 2001, 227–272.

<sup>3</sup> Schulz 1995, 22.

Действительно, выражения *legem dicere* и *leges dictae* в эпоху Республики весьма часто встречаются в текстах законов, у Цицерона, Ливия и других авторов в значении «закон, произнесенный магистратом»<sup>4</sup>. Наконец, нельзя игнорировать и имеющуюся в историографии трактовку *legum dictio* как исконно авгурского института архаического сакрального права<sup>5</sup>. Так, известный итальянский романист Р. Санторо пишет следующее: «Lex дает место некоему публичному торжественному произнесению, которое имеет устанавливающий эффект. Действительно, она (lex) является объектом *nuncupatio*, как это доказывают примеры авгурской *legum dictio*, *devotio*, *dedicatio* и *consecratio*, *deditio* и *leges* сделок *pexum* и *mancipium*... В то же время она (lex) является объектом *dictio*, как доказывает авгурская *legum dictio*, *legem dictio* в актах *consecratio* и *dedicatio*...»<sup>6</sup>. Любопытно, что ученый связывает этот институт с консекацией и дедикацией, подробно описываемыми и самим А.М. Сморгочковым. Связь *legum dictio* с сакральной сферой вполне очевидна. Действительно, выражение *leges dictae* встречается у Ливия, например, в связи с обсуждением особенностей Кавдинского мира 321 г. до н.э. и именно как термин сакрального права фециалов, отличающий договор, принятый законом народного собрания, от спонсии отдельных лиц<sup>7</sup>. Это же выражение встречается и у Плиния Младшего при обсуждении особенностей дедикации храма<sup>8</sup>. В связи с этим вполне уместна аналогия *lex dicta* с древним понятием *lex dicata* сакрального посвящения храма Юпитера<sup>9</sup> в значении некоего «наговоренного закона», т.е. некоего проклятия всякому нарушителю святости храма. Ведь у Овидия в «Метаморфозах» выражение *lex dicta* имеет именно такое значение проклятия богов, обрекающего на наказание не только самого преступника, но и его потомство<sup>10</sup>. Таким образом, приведенные примеры со всей очевидностью демонстрируют ошибочность интерпретации А.М. Сморгочковым древнего сакрального института *legum dictio*.

Теперь следует обратиться к еще одному религиозному авгурскому институту – дивинации. Автор утверждает, что, вопреки моему мнению, вопреки данным Цицерона и муниципального закона колонии *Genetiva Iulia* 44 г. до н.э., нельзя говорить о судебных полномочиях авгуров. Оставим в стороне прямые данные Цицерона об этих полномочиях, поскольку А.М. Сморгочков совершенно предвзято не испытывает к нему доверия. Но как можно не видеть прямых данных приводимого им муниципального закона?! Единственное объяснение – неверный перевод текста закона, объяснить который простым незнанием языка невозможно, так как А.М. Сморгочков – это блестящий знаток латинского языка. Вот текст закона (*Lex col. Gen. 66*): «*De auspiciis quaeque ad eas res pertinebit augurum iuris dictio iudicatio esto*». На русском этот текст должен звучать так: «Относительно ауспиций и о том, что относится к этому делу, юрисдикция и судебное решение да будет принадлежать авгурам». Однако

<sup>4</sup> См. TLL. VII. 2. P. 1242.

<sup>5</sup> О *legum dictio* авгуров см. Santoro 1984, 202–208.

<sup>6</sup> Santoro 1984, 204. Со ссылкой на *Lex templi Salon. (CIL. I. 1933)*: *ollis legibus ollisque regionibus dabo dedicaboque, quas hic hodie palam dixerō*.

<sup>7</sup> *Liv. IX. 5. 3*: *non... foedere pax Caudina sed per sponsionem facta est. quid enim aut sponsoribus in foedere opus esset aut obsidibus, ubi pactione res transigitur, per quem populum fiat quo minus legibus dictis stetur, ut eum ita Iuppiter feriat quemadmodum a fetalibus porcus feriat?* – «Кавдинский мир был скреплен не договором, а только клятвенным поручительством. (3) Зачем, в самом деле, понадобились бы поручители договора или заложники, если бы дело завершили молением, посредством которого устанавливается, чтобы Юпитер поразил своим гневом народ, отступивший от оговоренных законов, подобно тому как фециалы поражают жертвенного кабана». *Ср. Liv. XXXVIII. 37. 5*: *et ab Antiocho legati et ab ipsis Gallis, ut pacis leges dicerentur* – «Явились также посольства от Антиоха и от самих галлов, чтобы обговорить законы о мире».

<sup>8</sup> *Plin. Epist. X. 49. 2*: *Ego cum quaererem, num esset aliqua lex dicta templo, cognoui alium hic, alium apud nos esse morem dedicationis* – «Когда я стал осведомляться, есть ли какой-нибудь закон, объявленный относительно этого храма, то узнал, что обычай освящения здесь иной, чем у нас».

<sup>9</sup> См. *Liv. VII. 3. 6*: *ferunt eoque Mineruae templo dicatam legem quia numerus Mineruae inuentum sit... 8. M. Horatius consul ex lege templum Iouis optimi maximi dedicavit anno post reges exactos* – «А посвящен в святилище Минервы закон был потому, что число – Минервино изобретение... 8. По этому самому закону Марк Гораций, консул, освятил храм Юпитера Всеблагого Величайшего на следующий год после изгнания царей»).

<sup>10</sup> *Ovid. Met. VI. 135–138*: *pendentem Pallas miserata levavit / atque ita 'vive quidem, pende tamen, improba' dixit, / 'lexque eadem poenae, ne sis secunda futuri, dicta tuo generi serisque nepotibus esto!'* – «Но, сжалась, ее извлекла из веревки Паллада, / Молвив: «Живи! Но и впредь – виси, негодяйка! Тот же закон о возмездии, / Чтобы ты беспокоилась и о грядущем, сказан / Пусть будет и на потомство твое, на внуков твоих отдаленных». *Ср. Lex XII tab. VI. 1*: *...uti lingua nuncupasset, ita ius esto. CIL. VI. 1527. 2. 52: fato dicta lex.*

в переводе автора слова «юрисдикция и судебное решение» почему-то заменены словами «рассмотрение и решение», что дает А.М. Сморгкову возможность говорить, что слова закона «не позволяют однозначно утверждать, что решения авгуров имели самостоятельную юридическую силу». Получается полный абсурд: констатация закона о том, что авгуры обладали юрисдикцией и правом судебного решения не является «однозначным утверждением» наличия у них такого права. Любому историку права очевидно, что такое утверждение автора книги не нуждается в дальнейших комментариях. Далее А.М. Сморгков голословно утверждает, что судебная *divinatio* не имела ничего общего с авгурской, якобы античные авторы в отношении судебной дивинации в отличие от конкретного мероприятия авгурской дивинации «делают упор как раз на неопределенное и неизвестное будущее» (с. 261). Все это приводит исследователя к совершенно неверному выводу: «Даже если когда-либо авгуры имели судебные полномочия, четкое разделение сфер деятельности жрецов и магистратов должно было привести к весьма раннему их исчезновению» (с. 263).

Следует возразить, что юрисдикция и судебные полномочия авгуров, упомянутые законом колонии Юлии Генетиве, действовавшим с 44 г. до н.э., как минимум, в течение полутора веков, окончательно вообще не исчезали вплоть до отмены христианами должности авгуров. А что касается применения дивинации в судебном процессе, то здесь именно А.М. Сморгкову следовало бы как специалисту в римской религии приводить доводы не против, а в пользу ее существования. Ведь именно он сам приводит данные источников и научной литературы об активном использовании в политической сфере такой разновидности авгурской дивинации или некоего вида ауспий, как бросание жребия (с. 80 сл.). Согласно определению Феста, словом *sors* обозначался «ответ бога»<sup>11</sup>, а Ливий включает в это понятие и ответ Пифии или Дельфийского оракула, к которому нередко обращались римляне<sup>12</sup>. Правда, Цицерон говорит, что в его время этот вид дивинации уже вышел из употребления<sup>13</sup>, однако другие источники позволяют отчасти усомниться в этом.

О дивинации вообще и судебной дивинации в частности написано достаточно<sup>14</sup>, но особенно важен для нашего случая такой известный специалист в римском судопроизводстве, как итальянский романист Бернардо Санталучия<sup>15</sup>. Согласно его анализу, *sortitio* как вид дивинации применялся на всех стадиях судебного процесса. Так, о применении жеребьевки при распределении судей по отдельным судебным комиссиям и при назначении председателя суда на конкретное дело он пишет следующее: «Из общего списка 900 судей (300 сенаторов, 300 всадников и 300 эрарных трибунов (Cic. ad fam. 8. 8. 5; Plin. NH. XXXIII. 31) городской претор ежегодно составлял список (Cic. Cluent. 121), из которого квесторы путем жеребьевки составляли специальные списки судебных комиссий (Dio Cass. XXXIX. 7. 4). Когда возбуждался конкретный процесс, председатель *quaestio* путем жеребьевки определял список судей, согласовывая его с *reiectiones* обвинителя и обвиняемого»<sup>16</sup>. На заключительной стадии судебного процесса *sortitio* применялась для определения порядка подачи

<sup>11</sup> Fest. P. 380L: *Sors et <patrimonium signifi>cat, unde con<sortes . . . dicimus> et dei[s] resp<onsum, et quod cuique> accidit in so<rti>endo* – «Слово *sors* обозначает и отцовское имущество, откуда слово “члены консорциума”... этим словом мы называем и ответ бога, и то, что произошло с кем-то по жребью».

<sup>12</sup> Liv. V. 15.12: *re patres rati decreuere legatos sortesque oraculi Pythici exspectandas* – «Но сенаторы сочли старика болтуном, не заслуживающим доверия в столь важном деле, и решили дожидаться посллов с ответом пифийского оракула»; Liv. V.16. 8: *cum legati ab Delphis uenerunt, sortem oraculi adferentes congruentem responso captiui uatis* – «Римляне уже извелились в человеческих усилиях и уповали лишь на судьбу и богов, когда вернулись послы из Дельф. Привезенный ими ответ оракула полностью совпадал с пророчеством пленного предсказателя»; Liv. X. 24. 16: *Iouem optimum maximum deosque immortales se precari, ut ita sortem aequam sibi cum collega dent si eandem uirtutem felicitatemque in bello administrando daturi sint* – «Он молит Юпитера Всеблагорого Величайшего и бессмертных богов дать ему с товарищем по консульству равный жребий, то есть равную доблесть и счастье в ведении войны».

<sup>13</sup> Cic. De divin. II. 86–87: *Sed hoc quidem genus divinationis vita iam communis explosit... 87. Quis enim magistratus aut quis vir inlustrior utitur sortibus?... Ergo hoc divinationis genus omittamus* – «Впрочем, этот вид дивинации в повседневной жизни уже вышел из употребления... 87. Какой же магистрат или знатный муж ныне пользуется жребиями? ...Следовательно, от этого рода дивинации мы можем отказаться».

<sup>14</sup> См., например: Brasiello 1960, 32–33; Bloch 1964, 89–100; Montero 1991, 196; Bloch 1995; Repici 1995, 175–192.

<sup>15</sup> Santalucia 1998.

<sup>16</sup> Santalucia 1998, 163. Cf. 139, 170.

голосов судьями при вынесении приговора<sup>17</sup>. Согласно Цицерону, применялся этот вид дивинации и при децимации, т.е. при выборе конкретных подвергаемых казни воинов осужденного воинского подразделения<sup>18</sup>. Прямое подтверждение понимания судебной дивинации как божественного оракула и дивинации авгуров можно найти у Квинтилиана (Inst. III. 10. 2; V. 7. 33–36; Declam. min. 252. 8–9), интересные случаи ее применения есть у Аскония (Mil. P. 35, 25 St.) и Тита Ливия<sup>19</sup>. Особенно интересно свидетельство Сервия в комментариях к Энеиде Вергилия, который пишет следующее: «‘Без жребия и без суда’. Это взято из римского обычая: ведь тяжбы рассматривались не иначе как посредством организованной жеребьевки. Ведь в то время, когда предъявлялись тяжбы, сходились все (откуда и говорят “собрание”) и на основании жеребьевки принимался порядок судебных дней, по которому по прошествии 30 дней расследовались их тяжбы. Поэтому (у Вергилия) и сказано, что “(Минос) из урны жребия тянет”. Так же у Ювенала сказано: “Пристрастие претора одерживает верх посредством лживой урны”»<sup>20</sup>.

Подводя итог, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что хотя далеко не все выводы автора с научной точки зрения кажутся мне верными, однако разногласия в позициях ученых и в их трактовке источников не являются основанием для снижения общей чрезвычайно высокой оценки рецензируемой книги, а в данном случае, наоборот, указывают на значимость затрагиваемых ученым проблем и сделанных им выводов, дают возможность открыть научную дискуссию, которая, надеюсь, будет способствовать дальнейшему обогащению наших знаний о древнем Риме.

Безусловно, монография А.М. Сморгчова является настоящим научным прорывом в области изучения истории религии и сакральных аспектов гражданской власти древнего Рима эпохи Республики. Глубокий и скрупулезный текстологический анализ источников, учет и критика почти всей обширнейшей современной историографии исследуемых проблем делают книгу особенно ценной и позволяют мне со всей уверенностью рекомендовать ее научной общественности. Не сомневаюсь, что данная книга будет встречена читателями с огромным интересом.

## Литература

1. Bloch R. 1964: Liberté et déterminisme dans la divination romaine // Hommages Bayet. Bruxelles–Berchem, 89–100.
2. Bloch R. 1995: La divinazione nell’antichità / Trad. di P. O’Connor. Napoli.
3. Brasiello U. 1960: Divinatio // Novissimo Digesto Italiano VI. Torino, 32–33.

<sup>17</sup> Santalucia 1998, 139. См. также: Cic. Pro Cluent. 75: Varia iudicium genera; nummarii pauci sed omnes irati... Ecce tibi eius modi sortitio ut in primis Bulbo et Staieno et Guttiae esset iudicandum! Summa omnium exspectatio quidnam sententiae ferrent leves ac nummarii iudices – «Состав суда был довольно пестрый, продажных судей было немного, но все они были недовольны... жребий выпадает так, что первыми подавать голоса должны Бульб, Стайен и Гутта; все ждут с нетерпением, как же будут голосовать эти ничтожные люди и продажные судьи». Ср. Cic. Pro Cluent. 55.

<sup>18</sup> Cic. Pro Cluent. 128: Statuerunt enim ita maiores nostri ut, si a multis esset flagitium rei militaris admissum, sortito in quosdam animadverteretur, ut metus videlicet ad omnis, poena ad paucos perveniret... Qua re ne <quis> in bello propter hostium metum delinqueret, amplior ei mortis et supplicii metus est a maioribus constitutus; ne autem nimium multi poenam capitis subirent, idcirco illa sortitio comparata est – «Ведь наши предки установили правило, что за тяжкое воинское преступление, совершенное множеством людей сообща, должна понести наказание избираемая по жребию часть виновных, так что страх охватывает всех, но кара постигает немногих... Поэтому, кто во время войны из страха перед врагом совершил преступление, тому наши предки и внушили сильнейший страх перед смертной казнью; но чтобы не слишком многие платились жизнью, была введена жеребьевка».

<sup>19</sup> Liv. II. 59. 11: cetera multitudo sorte decimus quisque ad supplicium lecti – «Из прочего множества воинов посредством жребия был выбран каждый десятый для смертной казни»; Liv. XXXIX. 45. 4: praetores ita sortiri iussi, uti flamine Dialis utique altera iuris dicendi Romae provincia esset: peregrinam est sortitus – «Новым преторам сенат поручил провести жеребьевку так, чтобы оставить одну из должностей по юрисдикции в Риме за фламином Юпитера: по жребию ему достался суд по делам иноземцев».

<sup>20</sup> Serv. Aen. VI. 431: sine sorte sine iudicio. traxit autem hoc ex more Romano: non enim audiebantur causae nisi per sortem ordinatae. nam tempore quo causae agebantur conveniebant omnes – unde et ‘concilium’ ait – et ex sorte dierum ordinem accipiebant, quo post diem tricesimum suas causas exequerentur: unde est ‘urnam movet’. Iuvenalis «gratia fallaci praetoris vicerit urna». См. Iuven. Sat. XIII. 4.

4. *Montero S.* 1991: *Política y adivinación en el Bajo Imperio Romano: Emperadores y harúspices (193 d.C.–408 d.C.)* (Coll. Latomus, 211). Bruxelles.
5. *Repici L.* 1995: *Gli Stoici e la divinazione secondo Cicerone* // *Hermes.* 123, 175–192.
6. *Santalucia B.* 1998: *Diritto e processo penale nell'antica Roma*–Milano.
7. *Santoro R.* 1984: *Actio in diritto antico* // *Poteri, negotia, actiones nella esperienza romana arcaica.* Napoli.
8. *Schulz F.* 1995: *I principi del diritto romano.* Firenze.
9. *Sini F.* 2001: *Sua cuique civitati religio.* Religione e diritto pubblico in Roma antica. Torino.

*Л.Л. Кофанов,*  
доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник  
Института всеобщей истории РАН

\* \* \*

Книга, которую так давно ждали российские историки, занимающиеся республиканским Римом, наконец увидела свет к безусловной радости всех тех из них, кто не завистлив к успехам других, – у меня она вызывает желание сказать самые добрые слова о научном творчестве ее автора.

Я пишу рецензию на монографию коллеги, чья сфера научных интересов имеет значительную плоскость пересечения с моей, что неизбежно ведет к несовпадению позиций по тем или иным исследовательским вопросам, но данное обстоятельство никогда не мешало и не мешает мне восхищаться сделанным А.М. Сморгчовым. Это не означает, что я в данном случае во всем соглашаюсь с мнением автора монографии, но аргументация и контраргументация отдельных положений и выводов – дело статей, специально посвященных определенной теме, а не собственно рецензированию всей книги. Здесь моя задача – высказать целостное о ней впечатление, поэтому, если очерчивать при этом несовпадение трактовок, то только по принципиальным моментам концептуального видения политико-правовых и сакрально-правовых механизмов римской республиканской власти.

Мало сказать, что общее впечатление от книги благоприятно. Монография вызывает чувство гордости за нашу национальную школу антиковедения, ибо в этой книге есть все самое главное: глубина проникновения в предмет изучения, обеспеченная тщательной проработкой источников и вдумчивым их осмыслением, широта эрудиции, как общеантиковедческой, так и конкретно-историографической, уважение к сделанному предшественниками при неоспоримой самостоятельности авторского взгляда. Естественно, что большая часть исследовательских результатов и выводов А.М. Сморгчова уже известна заинтересованным читателям по его журнальным и другим публикациям, но собранные под одной обложкой, они приобретают больший суммарный вес и наглядно показывают концептуальное видение автором сложного механизма взаимодействия в республиканском Риме политической и сакральной сфер.

Книга вобрала в себя несколько взаимосвязанных пластов исследований А.М. Сморгчова, которые в ней представлены в виде четырех глав: первая посвящена изучению магистратских ауспиций, вторая – религиозным полномочиям магистратов и сакральному аспекту их власти, третья – римскому публичному жречеству, четвертая – храмам в публично-правовом компоненте их основания и функционирования. Все главы в совокупности составляют тематическое единство, обозначенное в названии книги, формулировка которого после двоеточия заставляет меня как читателя все-таки немножко споткнуться при ее прочтении («магистраты, жрецы, храмы» – люди и неодушевленный предмет в перечислении через запятую). Но я прекрасно понимаю, что автор стремился максимально точно отразить в заголовке содержание всей работы.

Мне легко воспринять магистральные линии рассуждений А.М. Сморгчова, поскольку у нас с ним общие представления о том, что собой являла римская *civitas*, общие смысловые рамки, в которые помещается ее изучение (для республиканской эпохи они далеко не всегда совпадают, особенно применительно к раннему ее периоду). Мне импонирует его отношение к античной традиции, рационально-взвешенное, ибо ему чужд гиперкритический агрессивный нажим постмодернизма, на который Андрей Михайлович отвечает спокойно и точно: «мне представляется неверной сама постановка вопроса о доверии или недоверии к античной традиции, ибо это вопрос веры, а не науки» (с. 18). А в другом месте умудренно замечает, что «при желании можно увидеть что угодно и в чем угодно» (с. 155).